

Он быстро направился к официанту у выхода, прикрыл дверь, достал кошелек и тихо сказал:

— Счет.

Вернувшись на место, он увидел, что одноклассники уже наелись и их взгляды на Цю Минцюаня изменились.

В этом возрасте дети по природе своей склонны восхищаться силой и богатством, и хотя они не могли понять, откуда у Цю Минцюаня деньги, это не помешало им удивиться стоимости этого ужина.

Его бедность была очевидна, но сейчас он смог найти деньги, и это было фактом!

— Спасибо, наш великий староста, — кто-то искренне сказал, и в его глазах больше не было презрения. — Этот ужин был великолепен, намного лучше, чем тот стейк, который я ел в прошлый раз в каком-то месте!

— Да-да, порции большие, мясо такое нежное! — Хань Ли тоже улыбнулся. — Наш староста просто молодец, в следующий раз я угощаю!

— Ты тоже сюда придешь?

Хань Ли вскрикнул:

— Пощадите меня, я угощу вас хого, и это будет уже хорошо!

Все засмеялись, и атмосфера стала более дружелюбной.

Только Чжу Линь выглядел мрачным, глядя на Цю Минцюаня, и вдруг злобно спросил:

— Но как бы то ни было, мы все знаем, что ты из бедной семьи. Откуда у тебя теперь деньги?

Цю Минцюань убил улыбку и спокойно посмотрел на него.

— Вы сами видели мою семью, разве это не бедность? — его взгляд был спокоен и уверен. — Определение бедности основано на стабильном доходе взрослых, и моя семья полностью соответствует критериям. Более того, я не получал ни копейки школьной помощи. А то, что сейчас я могу работать и учиться, и честно заработал другие деньги, — это мое дело, у тебя есть какие-то претензии?

Чжу Линь недовольно фыркнул:

— И что ты можешь заработать?

Цю Минцюань улыбнулся и указал вниз:

— Возможности заработать есть везде, внизу целые горы золота, везде богатство. Но даже если я расскажу тебе, ты не сможешь заработать ни копейки.

В этот момент из соседнего банкетного зала вышла группа людей, закончивших ужин.

Вэй Цинъюань, сопровождая нескольких руководителей, прошел мимо группы подростков, в которой был Цю Минцюань, и снова улыбаясь, помахал им рукой.

Мэр, заметив его жест, искренне решил, что это дети какого-то начальника, и так же естественно и доброжелательно улыбнулся им, прежде чем пройти дальше.

За их спиной Хань Ли вдруг ахнул.

— Этот, тот самый... — он не мог поверить своим глазам и тихо воскликнул. — Тот, который только что улыбнулся нам, это же мэр!

Он видел его по телевизору каждый день, мог ли он ошибиться?

— Похоже, да, — Чжу Линь тоже смотрел вслед уходящим. — Это действительно он!

— Здравствуйте, счет за ваш зал уже оплачен, — улыбнулся официант.

Цю Минцюань удивился:

— Это товарищ Вэй Цинъюань из соседнего зала?

Официант покачал головой:

— Нет, это ваш одноклассник.

Цю Минцюань с удивлением посмотрел на группу подростков, спускавшихся по лестнице, и вдруг крикнул:

— Одноклассник Фэн Жуй!

На лестнице высокий и статный парень обернулся и спокойно поднял бровь, глядя на него.

Официант тихо подтвердил:

— Да, это он.

Цю Минцюань быстро подошел, немного растерянно:

— Я верну тебе деньги.

Фэн Жуй молча посмотрел на него, ничего не сказал, но повернулся и пошел к своей группе.

— Цю, что ты собираешься делать дальше? — крикнул Хань Ли снизу.

Цю Минцюань быстро ответил:

— Вы идите, я останусь здесь посмотреть на акции.

— О! — Хань Ли и остальные с уважением кивнули. — Тогда мы пойдем, увидимся в школе!

— Увидимся! — Цю Минцюань помахал им рукой, а его взгляд упал на удаляющуюся фигуру Фэн Жуй, которая исчезала в толпе. Издалека он казался высоким и прямым, и среди пестрой толпы в зимней одежде выглядел словно яркое пятно.

«Что случилось?» — в голове раздался ленивый голос президента Фэна. — Как мы оказались здесь?

Оглядевшись, он удивился:

— Отель Пуцзян! Ты пришел смотреть на открытие биржи?

Цю Минцюань кратко рассказал о событиях утра, немного нервничая:

— Сегодня я, возможно, поступил опрометчиво?

Фэн Жуй удивился:

— Что не так? Я же говорил тебе укреплять авторитет и налаживать отношения с одноклассниками, это может пригодиться в будущем. Если позволить им завтра начать распускать слухи о твоей бедности, то зачем мы зарабатываем деньги? Чтобы всю жизнь притворяться бедным и скрывать свой свет? Ты всё сделал правильно!

Он быстро перешел к другой теме:

— Ты говоришь, это я оплатил ужин?

Цю Минцюань растерянно кивнул:

— Да, как раз хотел спросить тебя. Как ты думаешь, что это значит?

Фэн Жуй на мгновение задумался, а затем недовольно сказал:

— Я не знаю, я же не он!

— ...Ты говоришь очень странно, понимаешь?

— Ха-ха, дети растут, кто их знает, что у них на уме.

...

Стоя в холле первого этажа, Цю Минцюань смотрел на неподвижные цифры на экране и усмехнулся:

— В чем смысл, если каждый день можно поднимать только на 0,5%, и никто не хочет продавать? Каждый день без объема?

Фэн Жуй, однако, с интересом наблюдал за этим:

— Да, в моей прошлой жизни я тоже не видел этого лично, только читал в газетах, что акции нельзя было купить, поэтому я не участвовал.

Начальный индекс, установленный сегодня, был базовым — 100 пунктов. Такие крошечные ежедневные подъемы продолжались до конца 1991 года, и за целый год индекс вырос всего на 127%.

Из-за того, что никто не хотел продавать, в каждом отделении каждый день были только заявки на покупку, а продажи практически отсутствовали, иногда даже не удавалось установить цену открытия.

В конце концов, умные инвесторы, чтобы обеспечить ежедневное формирование цены, даже договорились между собой, искусственно продавая по несколько десятков акций, чтобы поддерживать рост.

— Хорошо, давай найдем потенциальных покупателей, — дал указания президент Фэн.

Скоро начнется снос, и Лю Циньхуа уже нашла идеальное жилье, которое Цю Минцюань тоже осмотрел и одобрил.

Городская компенсация уже поступила, и за их маленький домик они получили около 20 000 юаней. А новый дом, который он выбрал, стоил более 200 000 юаней, и сейчас нужно было собрать недостающую сумму.

Акции, которые были у Цю Минцюаня, сейчас стоили более 500 000 юаней, и в предстоящем резком росте их стоимость могла достичь нескольких миллионов. Но сейчас, из-за ограничений на цены, невозможно было увидеть этот взлет.

Единственный выход — найти знающего покупателя, готового заплатить заранее, чтобы продать часть акций.

В этот момент позади Цю Минцюаня раздался радостный возглас:

— Сяо Цю, это ты?...

Он обернулся и улыбнулся: перед ним, одетый с иголки и полный энергии, стоял Ма Цзюньдин.

Появление Ма Цзюньдина быстро вызвало небольшой ажиотаж в холле первого этажа.

Сейчас Ма Цзюньдин был небольшой знаменитостью, появлялся в новостях и давал интервью!

Налоговое управление Дуншэня и отдел торговли гособлигациями сделали его примером: один — для пропаганды «граждан, активно интересующихся уплатой налогов», другой — для подчеркивания, что «торговля гособлигациями не облагается налогом», и оба были довольны.

Даже управление общественной безопасности Дуншэня участвовало в пропаганде, совместно с банками рассказывая о том, что торговля гособлигациями защищена государством, и даже могла сопровождаться полицейским эскортом.

Так, сам того не желая, Ма Цзюньдин стал представителем первых богатеющих граждан Дуншэня, и везде, куда бы он ни приходил, его замечали, особенно среди инвесторов, где он уже приобрел ореол загадочности.

— О, это же Ма Байвань! — кто-то узнал его и с любопытством подошел. — Расскажи, как ты думаешь, когда закончится этот ежедневный рост?

— Откуда мне знать? — улыбнулся Ма Цзюньдин. — У меня есть акции, и я, конечно, надеюсь, что они будут расти месяцами, годами!

Все рассмеялись, атмосфера стала оживленной.

<http://bllate.org/book/16729/1538817>